

ПОЭТЫ И МУЗЫ

Моложавая, довольно уверенная поэтесса бойко вела свою творческую встречу. Она читала стихи из недавно вышедшей книжки с лаконичным названием. Таким же лаконичным псевдонимом, не называя подлинного имени, она отрекомендовалась присутствующим.

«Ну вот, и у неё есть удачный псевдоним, — думала одна из гостей, тоже поэтесса. — А я никак не могу подобрать себе. А надо бы. Давно собираюсь и решиться никак не могу. Все знают меня давно под моим подлинным именем... Увы!»

В зале собрались поэтессы, поэты, их музы и почитатели. Ведущая читала свои стихи и предлагала гостям почитать её стихи из разложенных на столах страничек.

На столах, помимо листочков со стихами, были вазочки и тарелочки с угощениями к чаю. В числе прочих — крохотные пирожки-конвертики, начинку которых предлагалось угадать гостям. После нескольких неудачных версий поэтесса сама раскрыла секрет, что в начинке присутствует варенье из физалиса. Удивление части гостей было искренним: «Физалис? Что это? Разве из него можно готовить съедобное варенье?» Гости заспорили, заволновались. Одна из поэтесс предложила своё стихотворение, в котором упоминалось это растение. Потом она слушала стихи молодой поэтессы, вкушала конвертики со сладковатым содержанием и вспоминала...

Вспоминала поездку с недавно знакомым поэтом на электричке, дорогу по распутице к его даче. Вспоминала заснеженный огород с одинокой ярко-оранжевой веточкой

физалиса. Хлопоты у печи, обед в так и не согревшемся до-мике. Они говорили о погоде, о природе, о жизни. Больше говорил он. Она понимала его желание выговориться, была благодарна ему за поездку за город к соснам, к свежему воздуху. Говорили и о стихах, и о тех, кому они посвящены. Наверное, это были его музы. И он, как всякий поэт, влюблялся в них и посвящал им лирические строки. Одну, её имя было Вера, называл Верилиночкой и гордился тем, что избрёл для неё такое имя.

Он звонил порой своим музам и читал им новые стихи. Стихи были хорошие, содержательные, душевно-эмоциональные. Он вообще был признанным поэтом в своём трудовом коллективе. Потому что написал гимн завода и гимны многих заводских цехов. Участники разных литературных объединений приглашали его публиковать стихи в их коллективных сборниках. Но поэт отказывался — то ли от стеснения, то ли из гордости. Отдавал свои стихи только в солидные фолианты и этим похвалялся.

Однажды сообщил по секрету очередной своей музе, что в центральной библиотеке состоится презентация одного солидного издания, в котором есть его сочинения. «Но туда приглашены только авторы этого издания», — не без внутреннего самодовольства сообщил он.

«Какая же это презентация, если только для своих? — подумала посвящённая в тайну поэта муза. — Презентации должны быть для всех, чтобы знали и раскупали книги. Я приду! — решила она. — И если меня не будут пускать, я скажу, что я муза поэта Асмошина и хочу услышать стихи, мне адресованные».

Но что-то случилось — или презентация не состоялась, или она была занята очень: и на презентации побывать ей не удалось, и стихов, ей адресованных, она в этот раз не услышала.

Какие-то прежде он уже читал ей по телефону. Стихи нравились зрелостью, оригинальностью, и хотелось бы иметь их у себя, чтобы перечитывать, вспоминать встречи с автором, его смущающие откровенно влюблённые взгляды. В его восторженно-поэтические речи она пыталась

вставить, что у неё тоже есть стихи, посвящённые ему. Но попытки тонули в его фонтанирующих взхлёб тирадах. Он знал некоторые её стихи, подсказывал что-то, хвалил удачные, даже редкие, по его оценке, рифмы. Но посвящения себе так и не услышал.

У музы-поэтессы тоже была своя муза. Его фотография висела над рабочим столом. Когда муза садилась к компьютеру работать, она здоровалась со своей музой на фотографии, улыбалась снимку, успокаивалась и трудилась. Стихов своей музе она не посвящала. Не могла решиться, не хотела расплескать в словах памятное, дорогое, бередящее.

Декабрь 2021

В ЛИСТВЯНКЕ

На турбазе в прибайкальской Листвянке. Песня! И петь её я могу при удобном случае снова и снова. То есть рассказывать снова и снова.

— Что можно посмотреть в Иркутске? — спросили у случайного молодого человека.

— В Иркутске? Не знаю. А вот недалеко, в Листвянке, есть нерпинарий.

— О, едем в Листвянку! Едем в нерпинарий!

И поехали. Нерпинарий оказался закрыт: понедельник — выходной. Решили переночевать. И не пожалели.

«Променада» — так мы называли дорогу между набережной с одной стороны и шикарными коттеджами-отелями с другой — трогательно напоминал немецко-французские какие-нибудь Баден-Баден, Ниццу, зарубежные курорты, куда в девятнадцатом веке россияне ездили «на воды». Казалось, вот только что здесь, у этих сверкающих белизной строений с балкончиками и башенками под красными черепичными крышами, прогуливались дамы под кружевными зонтиками, в шикарных нарядах.

На лотках вдоль «променада» многочисленным курортникам предлагались россыпи украшений из

полудрагоценных камней. Кафешки, продуваемые вольными ветрами, ждали проголодавшихся. Копчёный байкальский омуль! Как не попробовать? На Байкале это не столько экзотика, сколько основной продукт питания и источник доходов местного населения. У калитки каждого двора стоит коптильня, сидит коптильщица, и — бери-выбирай! Аромат, вкус — дразнящие. «Специфические», как говорил Аркадий Райкин.

Пообедали — довольно вкусно — за обыкновенными деревянными столами на семи байкальских ветрах. А внизу, у самой воды, у самых волн, спинами к нам сидели молодые туристы и любовались байкальским простором, игрой волн. Ожидалось: вот-вот из-за мыса выплывет океанский белый лайнер. Но поверхность вод бороздили только катера и моторные лодки. Всё равно красиво, воздушно, привольно.

— Это называется «ждём у моря погоды», — сказала я, настраивая фотоаппарат. И запечатлела и туристов, и простор, и прибор.

Зашли на местный рынок, где из ассортимента — только омуль, солёный и копчёный. Здесь поинтересовались, где можно переночевать: очень уж хотелось остаться и непременно посетить нерпинарий. В отелях цены — кусучие! И доброжелательные местные жители посоветовали проехать на турбазу. А турбазой оказалась открытая площадка, никаких построек, только огорожена, и с охраной. Въезд для ночёвки платный. Дрова для костра: жменечка — сто рублей. Решили дрова не покупать в надежде обойтись хвостом.

День заканчивался. Светило уже скрылось за горизонтом, оставив ослепительно светлую полосу, отделявшую тучное небо от земли и воды.

Припарковав машину, расположились на траве у дальнего края турбазы. Внизу в палисадниках щедро кипели кусты сирени густо-персидской расцветки. Руки чесались и в груди щемило от желания побежать и наломать душистых веток. Останавливало лишь одно: крутой склон горы, отделяющий турбазу от домов с палисадниками, обратно

вскарабкаться по которому вряд ли удастся. К тому же ещё мешал овражек, случившийся под горой.

Я отправилась в лесок за хворостом для костра. Пространство между деревьями оказалось вы-ли-зан-ным. Ни одной сухой веточки, ни одного крохотного сучочка. Разочарованная, вернулась и сообщила об этом безрадостном факте хлопотавшим у палатки родственникам.

— Мы в лесу и без хвороста?.. — не расстроился племянник Николай. — Такому не бывать!

Он достал из багажника машины длинную верёвку, привязал к одному её концу камень. И они с внуком отправились в лес добывать хворост. Оказывается, процедура добычи хвороста заключалась в нескольких ловких манипуляциях. Верёвка с камнем на конце забрасывалась на сухую, расположенную высоко от земли ветку дерева, под тяжестью камня верёвка обматывалась вокруг ветки, а стоящий внизу «охотник» дёргал за канат и отламывал сухую ветку. Тот же хворост, до которого просто, стоя на земле, дотянуться было невозможно. Внука Эдика так увлекла эта полезная работа, что он уже самостоятельно, без Николая, «набирал» столько много хвороста, что нам его хватило для костра на ужин, завтрак и подарить соседям по стоянке.

А наутро мы попали в нерпинарий...

Эти чудные трогательные животные выполняли всякие трюки: играли в волейбол, показывали, как они плавают, мёрзнут, от воображаемого холода мелко-мелко трясли своей шкуркой. Нерпы катались с горки, запрыгивая из воды на плоские скользкие доски поперёк бассейна. И, держа кисть своими ротиками, рисовали картину. И картину выставили на аукцион. И я её купила. Потому что нужно же как-то поддержать этих симпатяг. Может быть, их потом покормят (какие там деликатесы им по душе?) вкусняшками на деньги, вырученные от продажи «шедевра». И увозила я с собой живописное полотно на бумажном ватмане и в душе песню «Листвянка, Листвянка, Листвянка»...